

- Menard H. W.* Science: Growth and Change. Harvard Univ. press, Cambr. Mass., 1971.
- Mullins N. Ch. Model for the development of sociological theories. N. Y., 1973.
- Pepper St. C.* Concept and Quality: A World Hypothesis. LaSalle, IL: Open Court. 1967.
- Shubin D. E., Studer K. E.* Knowledge and structures of scientific growth: measurement of a cancer problem domain // *Scientometrics*. 1979. Vol. 1. № 2.
- Smith B. L. R., Karlesky J. J.* The State of Academic Science: The Universities in the Nation's Research Effort. N. Y., 1977.
- The University in Society. Princeton, 1974. Vol. 1.
- Webster Ch. The Great instauration. N. Y., 1976.
- Whitley R.* Cognitive and Social Institutionalization of Scientific Specialities and Research Areas. In: Social Processes of Scientific Development. L., 1974.

1979 год. Публикация Г. Д. Петровой

ЭЛЬВИРА ГРИГОРЬЕВНА БАЛАНДИНА

кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник Центра социологических и маркетинговых
исследований «Аналитик»,
Волгоград, Россия,
e-mail: belgri@mail.ru

Об Учителе

Статья посвящена выдающемуся философу, культурологу, социологу науки М. К. Петрову, работавшему в Ростовском государственном университете. Автор статьи была ученицей М. К. Петрова и делится воспоминаниями о своем преподавателе. Рассматриваются некоторые аспекты философских взглядов Петрова. Он был одним из основателей социологии науки, отличался необыкновенной широтой интересов — от античной и средневековой истории философии до состояния науки и образования в современной России. В русской философии 60–80-х годов XX века работали очень талантливые и творческие люди, недостаточно оцененные в свое время.

Ключевые слова: современная русская философия, миф, разум, наука о науке, творчество и репродукция.

Если мы кому и обязаны из предшественников, то не отступникам от истины, а тем, кто шел до конца.

М. Петров

Человек всегда остается один, если вздумает стать человеком.

А. Зиновьев

Вопреки распространенному мнению о том, что в философии советской «эпохи застоя» не было ничего, кроме бесчисленных доказательств истинности, незыблемости и всеобъемлющей полноты марксистского учения, философия в СССР 1960–1980-х годов существовала, постепенно угасая к концу этого двадцатилетия.

Были А. Зиновьев — бунтарь и пророк, Э. Ильенков — блестящий знаток Маркса, в отличие от многих «марксистов» Маркса читавший и знавший, В. Налимов — пытавшийся соединить трудно соединимые ментальные традиции Востока и Запада, А. Пятигорский — мастер парадокса в философии и жизни, — «могучая кучка» российских философов. Без сомнения, работы этих и многих других авторов той поры еще предстоит открыть мировому философскому сообществу. Идеологический забор, отделивший философию в СССР от мира, был забором двусторонним: он не только создавал препятствия для знакомства с философией Запада, но и затруднял философам Запада знакомство с работами советских коллег. Лишь немногие из них прорывались своими трудами «за кордон». К тому же лучшие из них почти не печатались и на родине, широкому кругу читающих не были известны.

В ряду «отверженных» философским истеблишментом был удивительный человек, философ, безусловно, мирового уровня — Михаил Константинович Петров. Его биография теперь достаточно хорошо известна: студент Кораблестроительного института в Ленинграде, военный разведчик, переводчик, в 47 лет защитивший кандидатскую диссертацию, изгнанный из университета за «неспособность к преподаванию», работавший затем старшим научным сотрудником, просто научным сотрудником, инженером в Северокавказском научном центре высшей школы, по-смертно признанный. Его жизненный путь оставляет смешанное чувство горечи, восхищения и сожаления...

Мне выпало огромное счастье учиться у Михаила Константиновича, даже считать себя его ученицей на философском факультете Ростовского государственного университета. В ту пору, в конце 1960-х, в РГУ было много хороших преподавателей и много увлекательных экспериментов в образовательных практиках. Студенты-философы, например, проходили несколько основательных курсов по естественным наукам. Мы тогда не очень-то понимали, зачем нам столько математики, физики, биологии, физиологии высшей нервной деятельности, — понимание пришло позже. Преподавались и вообще дисциплины, казавшиеся немного странными. «Этимология основных философских терминов» — ее и преподавал М. К. Петров. Это сейчас понятно, что была попытка, хотя и неполная, осуществить интенсивную модель образования. Не хватало только нескольких иностранных языков.

Когда Михаил Константинович впервые вошел аудиторию, что-то изменилось в воздухе. Ощущение это можно было выразить так — сейчас что-то начнется. Высокий, сутулый в черном костюме и белой рубашке с расстегнутым воротом. Начал он говорить прямо от порога аудитории — и вот перед нами уже палуба пиратского корабля, волны Эгейского моря, аргонавты, плывущие за руном и ахейцы, стоящие под стенами Илиона. Внутри всех этих событий совершается нечто глубинное, никак не осознаваемое их участниками — привычная мифологическая картина ойкумены распадается на отдельные фрагменты, лакуны заполняются пока что неизвестными материалами, для которых еще не находится названий. Названия же найти надо, ибо «неназванное не существует» — утверждает Парменид. Мы читали «Илиаду» и «Одиссею» так, как будто это были самые увлекательные романы, выискивая в глубинах текстов признаки того, что Михаил Константинович считал важнейшим поворотом европейского сознания: переходом от мифологического строя мышления к рациональным основаниям мысли. В его изложении это не было процессом простым, безоблачным и, безусловно, прогрессивным. Расставание с мифом грозило незащищенностью, приобретением личной ответственности за свободу мысли

и действия, к свободе же большинство персонажей гомеровских поэм были не способны и не склонны, кроме разве что хитроумного Улисса.

С тех времен изменилось мало, свобода по-прежнему остается тяжким крестом немногих, которые научились дышать свободно и уже не могут без нее жить. Необыкновенная свобода мысли — вот что поражало нас в Михаиле Константиновиче. Когда он читал лекции, а за «Этимологией» последовали лекции по истории античной философии и средневековья, было полнейшее ощущение того, что текст рождается «здесь и сейчас». Он не отливался в чеканные формулировки, можно было вернуться, что-то уточнить, задать вопрос, всякий раз на вопросы МК (так мы называли Михаила Константиновича) отвечал другими словами и подчеркивал, что если необходимо вернуться, надо идти немного другой дорогой. Жаль, что вопросов мы задавали мало, опасаясь грубо прервать живой процесс рождения мысли, происходивший прямо на наших глазах. Не все произносимое понималось, какие-то идеи оказывались «на вырост», но слушали заворуженно. На целый год античная философия и философия раннего средневековья стали нашими любимыми предметами. Не подготовиться к семинарам МК самым естественным образом стало тяжким грехом, и не потому, что он был строгим преподавателем. Скорее, он был преподавателем либеральным, ставил только отличные и хорошие оценки, был открыт для общения, уважительно относился ко всем высказанным мнениям: умным, глупым, бредовым. Невозможно вспомнить его раздраженным, недовольным, хотя позже стало понятно, что очень не гладко все складывалось в его жизни и работе. Всегда был ровным, спокойным, дружелюбным, прекрасно при этом «держит дистанцию».

Он умел незаметно привить вкус к чтению хорошей философской литературы, Конечно, было ее очень немного в университетской библиотеке. Были какие-то фрагменты, «Метафизика» Аристотеля издания 1936 года, мы ездили из Ростова в студенческий зал № 5 Библиотеки им. Ленина в Москву для чтения платоновских диалогов — тогда это было еще финансово доступно. У меня как-то случайно и неизвестно откуда оказалась Библия, без обложки, без конца и без начала. Начала читать все под тем же углом зрения — пытаюсь найти проблески *ratio* под горами мифологического, как тогда казалось, мусора. Ужасно гордилась собой, когда обнаружила что-то в этом роде в Посланиях ап. Павла. В беседах с Михаилом Константиновичем, в чтении работ Голосовкера, Налимова изменилось отношение к мифу, он стал восприниматься как значительно более мощный, чем рациональное мышление, пласт сознания со своей структурой, логикой, средствами воздействия. Мифологическое сознание на довольно долгие годы стало предметом внимания, изучение античного и христианского мифа трансформировалось к современной социальной и культурной мифологии в самых разнообразных ее проявлениях. Новым смыслом наполнилась эпоха Средневековья. Это были не мрачные века с абсолютным авторитетом церкви и христианского вероучения. Средневековье воспринималось как школа мысли, подготовительный класс к формированию научного стиля мышления. Без «обучения» в таком классе вряд ли возникла бы наука. При всех коренных различиях религиозного и научного мышления недооценить значение теологии для науки нельзя. Теология ввела понятие онтологического и гносеологического пределов, которые в науке стали Природой и Истиной, теология подготовила появление трансцендентального субъекта как субъекта научной деятельности, она же выработала основные правила научной дискуссии и т. д. Из «темных веков» эпоха Средневековья превратилась в один из самых интеллектуальных периодов истории европейского духа.

Мне повезло больше, чем моим сокурсникам: параллельно с курсом античной и средневековой философии я слушала лекции Михаила Константиновича по философии Нового времени, которые он читал на вечернем отделении, открывая мир Декарта, Локка, Спинозы. Здесь раскрывался общий замысел историко-философского курса в исполнении Петрова — проследить историю становления научного европейского стиля мышления с его подчеркнутым рационализмом, апелляцией к здравому смыслу в повседневной жизни, изысканной логике в теоретико-философских построениях, рациональному осмыслению эмпирического опыта в естественных науках. Вопрос «Что ты делаешь, когда ты думаешь?» получал смысловое наполнение, процесс мышления становился осознаваемым, эмоционально окрашенным, почти чувственно ощутимым. Философы античности, средневековья и Нового времени удивительным образом превращались в современников, с ними можно было вступить в диалог, поспорить, даже помолчать. История становилась полем современных идейных и теоретических поисков, не теряя при этом исторического контекста.

...Все прервалось то ли в мае, то ли в июне 1970 года. Незадолго до этого в журнале «Вопросы философии» появилась статья Петрова «Предмет и цели изучения истории философии». Статья нас восхитила необычностью содержания, глубокой аргументацией, она выделялась из того, что обычно печаталось в официальных академических журналах. Отличие было даже не по предмету, терминологии или стилю, хотя и это все было. Отличие было по уровню эрудиции, мышления, интеллигентности. Сегодня эта статья вызвала бы дискуссии в академической среде, но никак не организационные выводы. В статье защищались тезисы, много раз высказываемые и обсуждаемые в нашей среде, — о многовекторности мировой истории, о плюрализме культур и о праве каждой влиятельной культуры на собственное развитие. Утверждался также тезис о необходимости изучения каждой культуры, исходя из ее собственных оснований, а не заранее заданных клише «материализма-идеализма», «рационализма-иррационализма», «прогрессивности-реакционности». В общем-то, ничего «немарксистского», по крайней мере, нами, в этой статье не усматривалось, возможно, по причине идеологической неопытности.

Стражам идейной чистоты, очевидно, так не казалось. Собрали какое-то собрание, не то факультетское, не то открытое партийное, на котором оказались не только преподаватели, но и мы, студенты. Так называемый «разбор полетов» сначала проходил как теоретический семинар. Михаилу Константиновичу задавали вопросы, он отвечал, разъяснял, расшифровывал. Так продолжалось довольно долго, казалось, все вроде вошло в нормальное научное русло, и как-то даже забылось, по какому поводу собрался народ. Выглядело все как обычный научный семинар, где докладчик разъясняет написанное им, отвечает на критику оппонентов, растолковывает непонятное. Критические замечания были в основном, несущественными: что-то о несовпадении с Энгельсом. Но собрание есть собрание, оно предполагает решение в конце. И решение было зачитано. Те, кто не был осведомлен заранее, ахнули. Решение, как это водится, было заготовлено заранее, никакого отношения к ходу собрания оно не имело. После довольно странных обвинений, выносился вердикт: Петрову М. К. (он, кажется, был старшим преподавателем) запрещалось заниматься педагогической деятельностью с дичайшей формулировкой «по причине неспособности к преподаванию». Ситуация была абсурдной и совершенно сюрреалистической. Преподавателя, лекцию или семинар которого пропустить считалось

смертным грехом, на занятиях которого философский дух был свободен и в то же время чрезвычайно строг к себе, там, где студенты учились ощущать удовольствие и от чужой, и от самостоятельно произведенной мысли, — обвинили в неспособности к преподаванию без всяких доказательств. Большинство из нас тогда впервые столкнулось с тем, что уже в наше время получило название «басманное правосудие». Только судили не судьи, а партийные органы и, наверно, КГБ. Впрочем, с того времени мало что изменилось. Партийно-государственная инквизиция сменилась судебно-государственной, однако инквизицией быть не перестала: по-прежнему инакомыслящие воспринимаются как государственные преступники.

С Михаилом Константиновичем дело до обвинений в антипартийной, антигосударственной или подрывной деятельности не дошло, «подрывных» разговоров он не вел, антигосударственных действий не совершал. Его «всего-то навсего» лишили того, что составляет смысл и суть деятельности ученого: свободно высказывать свои мысли, руководствоваться в своих поисках стремлением к истине и ничем более, делиться добытым с коллегами и учениками. Всего-то навсего... Мне пришлось потом от некоторых людей слышать: «Что особенного? Не в тюрьму же посадили, пристроят куда-нибудь от студентов подальше, да печататься не дадут. Ничего страшного, не тридцатые-пятидесятые». Да и в самом деле — что тут такого, не арестовали же. Ну, лишили ученого возможности полноценно заниматься наукой, по существу лишили жизненного смысла. Не всякий после этого найдет в себе силы писать «в стол», без надежды когда-либо обнародовать плоды своих размышлений. У Михаила Константиновича такие силы были.

После злосчастного собрания мы, конечно же, бросились к любимому учителю с просьбой продолжать занятия в любой форме. Он отказался, что-то не очень убедительно объяснив. По прошествии многих лет стало понятно, что он просто не хотел и не мог рисковать ни собой, ни нами. Но тогда, в 1970-е годы, мы еще рассуждали в простой логике: мы пришли учиться и мы должны получать знания. Попытки договориться с факультетским начальством о продолжении чтения истории философии Петровым тоже закончились неудачей. Наивным, нам казалось, что желание студентов учиться у ими избранного преподавателя вполне нормально и должно найти понимание у администраторов. Но не тут-то было. Нам объяснили, что это невозможно, а попутно мы впервые услышали, что студенты философского факультета — будущие идеологические работники, должны быть более зрелыми политически и идеологически. Это известие обескуражило. Мы видели себя учеными, преподавателями или вообще мало задумывались о будущем, предпочитая жить в настоящем.

Нельзя сказать, что контакты с Михаилом Константиновичем прекратились совсем. Не знаю, встречался ли МК с кем-то еще, это никогда не обсуждалось, но не столь частые беседы с ним давали больше, чем большинство университетских лекций. Интересы постепенно перемещались в область науковедения. Была сделана попытка выяснить индекс цитирования в статьях журнала «Вопросы философии» за 20 лет, благо в научных библиотеках журналы сохранялись. Попытка оказалась неудачной — абсолютное большинство ссылок приходилось на классиков марксизма и партийные документы. Вряд ли это обстоятельство отражало научную значимость цитируемых источников, тут действовало неписанное правило: если не процитировал классиков марксизма-ленинизма, статью не опубликуют. И не только статью. Много позже, уже во время работы в Волгоградском медицинском институте, пред-

ставитель партийного комитета, присутствуя на моей пробной лекции, в качестве серьезного замечания написал, что в лекции, посвященной проблеме пространства и времени в философии Канта, молодой преподаватель ни разу не сослался на труды классиков и партийные документы. На возражение, что в партийных документах об этом ничего не сказано, а у классиков я ничего не нашла, мне ответили: «Лучше надо было искать». После этого к чтению лекций меня не допускали долго.

Беседы с Михаилом Константиновичем по философии и социологии науки пробудили новые интересы, которые не так-то легко было удовлетворить. Неведомыми путями к нам попадали рукописи Петрова, которые мы переписывали от руки, перепечатывали ночами в читальном зале общежития на машинке «Торпедо», тоже неизвестно как оказавшейся в нашем распоряжении. Так впервые мы прочитали «Социологию науки», «Философские проблемы “науки о науке”», фрагменты из «Истории европейской культурной традиции». Иногда это были тексты без названия, без начала и конца, но всякое слово бережно переписывалось, читалось, хранилось. До сих пор сохранилась толстенная папка с этими материалами и тетрадями записанных лекций. Была мысль поступить с ними так, как поступили ученики Гегеля с его лекциями по истории философии, то есть обработать и издать их. К сожалению, этот проект остался неисполненным по трем причинам. Во-первых, из-за обычной юношеской безалаберности. Во-вторых, слова, переложенные на бумагу, мягко говоря, не очень опытными людьми, лишались главного: обаяния сиюминутного рождения мысли. В-третьих, подоспел конец учебы: диплом, госэкзамены, госраспределение по местам работы. В общем, проект был отложен до лучших времен, которые так и не наступили.

Наступило другое. Вместе с приобретением собственного опыта все сильнее сказывалось влияние Михаила Константиновича. Сначала это было прямым подражанием его преподавательской манере: семинары в форме свободных дискуссий, обращение к «первоисточникам», и необязательно к марксистским, желание дойти до корней европейской философской культуры, до «Афин и Иерусалима», при обсуждении любого вопроса. Было и прямое подражание его манере поведения, но это получалось значительно хуже.

Позже начался период более осмысленного анализа того рукописного материала, который накопился еще в студенческие годы. Несколько важных тем выдвинулось, прямо или опосредованно связанных с этими рукописями.

Особенности мифологического сознания, необыкновенная его устойчивость, способность встраиваться в любые, даже самые рациональные формы мысли, соседствовать с ними даже после перехода «от мифа к логосу». Индивидуальное, групповое или общественное сознание подвержены мифологической интоксикации в любое время, в любой ситуации. Оценка роли мифологической составляющей, ее функций, степени и характера проявления в зависимости от конкретной ситуации и общего культурного фона времени. Мне кажется, что сегодня это очень важная тема, обсуждение которой позволяет раскрывать некоторые механизмы манипулирования людьми и противостояния манипуляциям. В условиях, когда самым большим дефицитом становятся честность и доверие между государством и обществом, между «людьми вертикали» и просто людьми, размышления Михаила Константиновича о, казалось бы, далеких временах и обстоятельствах если и не открывают всей истины, то становятся отправной точкой для постановки очень даже современных проблем.

Еще более современными и своевременными выглядят работы МК, посвященные науке и образованию. Как представляется, в последние 10–12 лет Россия выбрала не самый благоприятный для нее путь цивилизационного развития, да и выбрала-то не Россия, а российское государство. К тому же путь сопровождается Великой Ложью о развитии институтов гражданского общества, о повышении уровня образованности населения, о принадлежности к наиболее развитым странам мира... Ложь настолько глобальна, что перестает быть похожей на ложь и начинает напоминать правду. Немалую роль в восприятии лжи как правды играют все те же мифологические компоненты сознания. Как известно, этот тип сознания амбивалентен, он не имеет критериев различения истины и лжи. Истина все, во что мы верим. Снижается, порой намеренно, порог критического восприятия действительности, если под критикой понимать то, чем она и должна являться — способностью к самостоятельному анализу явлений жизни. Постоянное сокращение фундаментального знания в системе образования, в том числе философии, возможно, не окажет влияния на профессиональные качества будущих специалистов, но лишит их «критики» в ее кантовском понимании. Проблема прогресса и возможного регресса аналитических способностей человека интересовала Петрова и была одной из тем фундаментальной монографии «История европейской культурной традиции и ее проблемы», где обсуждались проблемы организации образования и науки.

Отдавая явное предпочтение самоорганизации и саморегуляции науки, МК утверждал, что в случае, когда главными составляющими научной деятельности становятся внешние регуляторы, приписывающие себе атрибуты абсолютного знания «должного в науке», научное сообщество становится заложником волевых и не всегда компетентных решений. Общество же в целом начинает испытывать либо страх перед мощью науки, либо наоборот, пренебрежение к научным исследованиям и научным выводам. Тогда наука, в лучшем случае, декорирует административно-волюнтаристские решения людей и структур, обладающих властью. Всеобщее понимание того, как функционирует наука в обществе, могло бы стать прививкой от бездумного и легкомысленного отношения и к науке, и к ее результатам.

В модели образования, предложенной Петровым, высказывается значительное доверие к субъекту интеллектуальной деятельности, вера в его разум и способность осознанного выбора. Интенсивная модель фактически ориентирована на понимание фундаментальных основ научных дисциплин, возможность доступа к массиву научных публикаций на нескольких языках и исключает раннюю специализацию. Предполагается, что специализация — дело последующего свободного выбора субъектом сферы приложения фундаментальных навыков, и не надо загонять человека в профессиональное «стойло» как можно раньше. Такой подход, возможно, покажется более затратным по времени, но не столь уж значительные временные затраты окупятся в будущем интеллектуальной свободой — столь необходимым компонентом всякого творческого ума. В определенной степени модель образования, как представляется, была проекцией самого Михаила Константиновича. Знание языков, знание основных, как бы мы сегодня сказали, трендов научных исследований, поразительная способность увидеть культурные процессы во всей их полноте, как синхронически, так и диахронически, — все это сообщало личности МК состояние свободы. Он производил впечатление удивительно независимого человека, который руководствуется исключительно своими представлениями, оценками, своей способностью суждения. Это была не яростная свобода борца и революционера, на

которого, так или иначе, влияют его собственные идеи, цели и оценки. Это была независимость ученого, готового подвергнуть критическому анализу и свои собственные взгляды. Возможно, это было не совсем так, но удивительное ощущение внутреннего достоинства и свободы духа было ощутимо для всех, кто общался с Михаилом Константиновичем.

Для него ничто не представлялось окончательным и удовлетворительным, процесс размышления был важнее, чем уже полученный ответ. Примечательно, как он отвечал на вопросы. Ответ был не повторением ранее высказанного тезиса, а его развитием, при котором исходное положение поворачивалось к спрашивающему, да, похоже, и к самому Петрову, какой-то другой, иногда неожиданной стороной. Если справедливо утверждение, что лучше всего интеллект раскрывается в том, как человек отвечает на вопросы, то Михаил Константинович доставлял подлинную роскошь общения своими ответами, побуждая собеседника к новым и новым вопросам. Это качество перекочевало в книги философа — они не только утверждают положения автора, они приглашают к диалогу. Поэтому его книги читать не очень просто, интеллектуальный уровень диалога высок, но к ним возвращаешься постоянно и по самым разным вопросам.

МК всегда предостерегал от единого стандартного подхода к разным типам социальных и интеллектуальных культур, от того, что он называл «сажать Пушкина на велосипед». Каждое явление надо постараться понять в его аутентичности, не подтягивать его до своего понимания, а подтягиваться до понимания собственного смысла явления. Инструментом такого понимания должен быть категориальный аппарат, группирующийся вокруг главной задачи времени и типа культуры. Конечно, «сова Минервы вылетает только в сумерки», но вот лететь она может в двух направлениях. Либо вперед, осовременивая историю, вытягивая из нее «прогрессивное», либо назад, пытаясь понять «как оно было на самом деле». Первый шаг мудрости — движение ретроспективное, попытка понять прошлые культуру, стиль мышления, способы действия из них самих. Второй шаг мудрости — движение в перспективе, показ последствий сделанного выбора. Очень интересен в этом плане был семинар, посвященный раннехристианской философии, в частности, обстоятельствам, в которых был принят Символ веры, сформулированный дотоле никому не известным дьяком Афанасием, особенно его толкование триединства Троицы. Воспроизведение раннехристианских споров, обсуждение деталей, связывание их с идейной борьбой христианских общин, аргументы, выдвигаемые в спорах, — все это погружало в атмосферу, когда христианство еще не было отлито в незыблемую догматику, а было живым, очень спорным, крайне неоднородным и совсем не обладавшим безусловностью абсолюта учением. Произведенный частью осознанно, частью случайно выбор в пользу формулировки Афанасия привел к последствиям, значительно превосходящим первоначальное значение выбора. Очень скоро самым востребованным навыком стало умение «вертеть Троицу», интерпретировать не только Божественные, но и любые другие события в единстве противоположностей, то есть конкретно. Из этого умения вырастает гегелевская диалектика, наука с ее молчаливо предполагающейся предпосылкой, что она имеет дело с одним и тем же объектом в меняющихся временах: прошлым — настоящим — будущим, герменевтика с ее требованием постоянной переинтерпретации одних и тех же «текстов». Усилие декартовского рационализма избежать избыточной сложности только на время и только частично притормозило представление о противоречивости и, все-таки, целостности мира.

Понимание смысла и сущности той или иной эпохи состоит в понимании ее типа мышления, а также в корреляциях ее культурной уникальности с предшествующими, последующими и соседствующими культурными комплексами. Прояснение смысла и сущности времени является принципиально важным основанием для еще одной существенно важной для философии Петрова темы: соотношения творчества и репродукции. Большинству отечественных философов, особенно за пределами столичных центров, эту задачу приходится решать как задачу профессиональную и даже жизненную. Философия — необходимый компонент образовательных программ, рекомендованных Министерством образования. Вместе с тем ее минимальное присутствие в учебных программах имеет функции скорее декоративные, которые ограничиваются соответствующей записью в программах и зачетных книжках. Имена Аристотеля, Платона, Гегеля еще как-то застревают в головах обучающихся, но вот Пико делла Мирандола, Бенедикт Спиноза, Николай Кузанский помнятся уже смутно. Введение обязательного тестирования ориентирует и обучающихся, и обучающихся на репродукцию — постоянное умножение одних и тех же результатов, качество результатов оценивается по степени близости к предварительно заданному стандарту, за который обычно принимается текст какого-нибудь учебника, причем совсем необязательно наилучшего (наилучший учебник по философии вообще вещь довольно сомнительная). Подход к философии с точки зрения стандартизации знания извращает ее собственный смысл, как результат возникает ощущение фальши. Не в этом ли секрет нелюбви к философии и в идеологическую ее эпоху, и сегодня, когда решения идеологических задач от нее, вроде бы, не требуется? Философия в ее собственном существовании — всегда творческий поиск субъекта, открывающего бесконечную сложность мира и себя самого. В ней действуют каноны — довольно подвижные рамки, в пределах которых каждый желающий открывает и переоткрывает мир творчески, независимо от того, совершались ли подобные открытия кем-то еще. В конце концов, он открывает и переоткрывает то, что остается уникальным при любых обстоятельствах — собственную личность. То же, что предлагает ему «школьная программа» — набор воспроизводимых штампов, «правильных ответов», мир репродукции, к тому же с усеченной, невыявленной применимостью. Репродукция функционально предназначена для применения и употребления, и если есть в этом плане затруднения, рождается чувство неудовлетворенности и отторжения. Философское творчество, даже не в смысле создания уникального продукта, а по преимуществу как компонент самосоздания личности остается невостребованным и часто неизвестным. Появляется компенсация в виде довольно сомнительных с точки зрения принадлежности к философской традиции текстов Мураками, Порфирия Иванова, Паоло Коэльо и т. д. Есть также манера называть «философией» любые общие и беспредметные рассуждения. Есть следование англоязычной традиции, которая может именовать философией пролегомены к любой частной области. Так появляются мало внятные философии менеджмента, банковского дела, эксперимента, есть даже философия керамики — практически бесконечное множество разнообразных «философий». МК определенно связывал занятия философией с творческой деятельностью — созданием немассового продукта, не выводимого напрямую из канона, хотя и остающегося в рамках последнего. Он приводил в пример соотношение грамматики и содержания текста. Донос и «Братья Карамазовы» пишутся по одним и тем же правилам грамматики и употребления лексических единиц, то есть они располагаются в границах одного

языкового канона, но их содержание различается кардинально. На возражение, что бывают доносы, исполненные творчески, он отвечал, что донос всегда укладывается не только в рамки языкового канона, здесь присутствует еще и закон в смысле строгого следования жанру и правилам. Поэтому доносы все строятся по одной и той же схеме, воспроизводящейся многократно, а вот «Братьев Карамазовых» еще раз написать невозможно: действует строгий запрет на повтор-плагиат.

Даже в том случае, если единственным «произведением» философствующего будет он сам, его изменение в пространстве канона, уже можно утверждать, что человек занимается творческой деятельностью. Если продолжить различение канона и закона, обнаруживается нечто угрожающее в популярном заклинании о «диктатуре закона», хотя и понятно, чем вызваны призывы к этой диктатуре. Закон превращает человека в своего исполнителя, размышление о правомерности закона автоматически приводит в стан еретиков и оппозиционеров, неразмышление о природе закона делает человека послушным автоматом или слепым бунтарем, по отношению к которому закон действует с неотвратимостью молота. А вот освоение канона предполагает наличие активного деятеля, самостоятельно, следовательно творчески мыслящего индивида.

Михаил Константинович ссылается на другого советского философа, которого он глубоко уважал, на Генриха Степановича Батищева. Г. С. Батищев тоже подвергался административному ostrакизму примерно в то же время, что и Петров, тоже слишком рано и примерно в то же время ушел из жизни. Было целое поколение «выбитых» в 1970-е: подвергнутых гонениям, лишенных работы, возможности публично высказывать свои мысли. Это потом мы будем сокрушаться о драматическом отставании советской общественной науки от западной мысли. Вряд ли было бы отставание, если бы свободно могли работать Зиновьев, Батищев, Петров и еще многие и многие ученые действительно мирового класса.

Идеи, которые высказывались М. К. Петровым в лекциях, рукописях, позднее в книгах, способны оплодотворить не одно поколение философов, социологов, культурологов, науковедов и вообще интеллектуалов. Все, кто непосредственно или опосредованно соприкасался с Петровым, оказывались под влиянием и обаянием его интеллекта. Но не меньшим влиянием обладает его философская личность. Его спокойное достоинство, стремление рационально оценить любую ситуацию, принять жизнь в том виде, в каком она дается, ирония по отношению к неприемлемым жизненным коллизиям, умение отделять сущности «жизненного мира» от пестрого мельтешения повседневности роднит его с древними стоиками в их лучшем, классическом варианте.

Когда-то Сократ определял философию как «искусство достойной жизни». Превращение философии в профессиональное, тем более «государственное занятие» сделало затруднительным совпадение работы и жизни — свободное философствование типа сократовского в современном обществе невозможно. Дух современных философов чаще всего не волен и не может летать, где хочет, он скован необходимостью преподавать, зарабатывать, получать ученые степени, где формальный авторитет напрямую зависит от достигнутого статуса. В должностной табели о рангах считается, что академик заведомо умнее профессора, профессор умнее доцента, доцент имеет интеллектуальные преимущества перед аспирантом и так далее по нисходящей. Очень немногие способны получить признание вне должностной иерархии исключительно мощью своего интеллекта, продуктами своей философской деятельности

и масштабом своей личности. Обидно, правда, что общественное признание к этим людям приходит после того, как принесены венки на их могилы, при жизни же им достаются «борьба за существование», любовь и уважение немногих близких людей, да никак не отнимаемый свободный творческий дух. Их вторая жизнь начинается после смерти, и, будем надеяться, она будет длительной и плодотворной.

Литература

Зиновьев Александр Александрович. М.: РОССПЭН, 2009.

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004.

Петров М. К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997.

Петров М. К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006.

Михаил Константинович Петров. М.: РОССПЭН, 2010.

About My Teacher...

ELVIRA G. BALANDINA

PhD

senior researcher

Research Center of Sociology and Marketing

Volgograd, Russia,

e-mail: belgri@mail.ru

This article is about a remarkable scientist and philosopher: Mikhail K. Petrov from the Rostov State University, a distinguished scholar who worked in the fields of philosophy, cultural studies and sociology of science. The author, who had been Petrov's student herself, now reminisces about her teacher. In addition to sharing her personal impressions the author examines several aspects of Petrov's philosophical views. Besides being one of the founders of the sociology of science, Professor Petrov had extraordinary broad interests — from ancient and medieval history of philosophy to the state of contemporary science and education in Russia. The author believes that the Russian philosophy of the 1960–80s featured very talented and creative people, who unfortunately were insufficiently appreciated at their times.

Keywords: modern Russian philosophy, myth, reason, science of science, creation and reproduction.